

ЛЕОНИД ПРАЙСМАН

1917-1920

ОГНЕННЫЕ
ГОДЫ

*Русского
Севера*

Леонид Прайсман

**1917–1920. Огненные
годы Русского Севера**

«Нестор-История»

2019

УДК 94(47) "1917-1920"
ББК 63.3(2)612

Прайсман Л. Г.

1917–1920. Огненные годы Русского Севера / Л. Г. Прайсман —
«Нестор-История», 2019

ISBN 978-5-4469-1652-8

Книга «1917–1920. Огненные годы Русского Севера» посвящена истории революции и Гражданской войны на Русском Севере, исследованной советскими и большинством современных российских историков несколько односторонне. Автор излагает хронику событий, военных действий, изучает роль английских, американских и французских войск, поведение разных слоев населения: рабочих, крестьян, буржуазии и интеллигенции в период Гражданской войны на Севере; а также весь комплекс российско-финляндских противоречий, имевших большое значение в Гражданской войне на Севере России. В книге используются многочисленные архивные источники, в том числе никогда ранее не изученные материалы архива Министерства иностранных дел Франции. Автор предлагает ответы на вопрос, почему демократические правительства Северной области не смогли осуществить третий путь в Гражданской войне. Эта работа является продолжением книги «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге» (Санкт-Петербург, 2015). В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47) "1917-1920"
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4469-1652-8

© Прайсман Л. Г., 2019

© Нестор-История, 2019

Содержание

Введение. Краткий обзор источников	7
Глава I. Архангельск в конце XIX – 1-й половине 1918 г.	9
1. Архангельск до Первой мировой войны	9
2. Первая мировая война	15
3. Архангельск в 1917 – начале 1918 г.	17
Глава II. Верховное управление Северной области	25
1. Создание антибольшевистских организаций	25
2. Запутанный клубок противоречий. Международный аспект революции и его отражение на Русском Севере	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Леонид Прайсман

1917–1920. Огненные годы Русского Севера

© Л. Г. Прайсман, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

* * *

Введение. Краткий обзор источников

Занимаясь всю свою профессиональную жизнь проблемами российской истории второй половины XIX – первой половины XX в., я больше всего интересовался вопросом: почему величайшая империя с великой культурой, вышедшая на первое место в мире к началу Первой мировой войны по темпам развития промышленности и сельского хозяйства, свалилась в 1917 г. в пропасть, из которой она не может выбраться по сей день? Почему большевики, небольшая политическая группа, не принимавшая практически никакого участия в Февральской революции, через восемь месяцев пришли к власти, не встретив первоначально почти никакого сопротивления? Почему люди, разложившие русскую армию в 1917 г., совершившие революцию на немецкие деньги, подписавшие невиданный в русской истории позорный мирный договор с Германией, смогли победить в Гражданской войне русские патриотические силы, в которых целые дивизии состояли из офицеров? И это при том, что на стороне противников большевизма воевали сотни тысяч чешских, сербских, польских, американских, английских, французских солдат!

Кого поддержало в Гражданской войне большинство населения страны – крестьяне, рабочие, интеллигенция, офицеры и унтер-офицеры? Кого поддерживали многочисленные национальности, населявшие Российскую империю? Какую роль сыграли в русской смуте страны Антанты и их противники – государства центрального блока? В своей предыдущей работе я рассматривал эти вопросы на примере Поволжья, Прикамья и Урала. В этом труде я остановился на проблемах Русского Севера. И в том, и другом районах противникам большевиков очень повезло. На колоссальных просторах Востока местные правительства пришли к власти в результате восстания Чехословацкого корпуса и смогли создавать свои армии. Еще более благоприятное положение сложилось на Севере, где под прикрытием высадившихся английских, французских, американских, итальянских войск можно было в течение длительного периода создавать русскую армию, которую содержали и вооружали страны Антанты. Так почему же противники большевиков потерпели поражение? Ответу на этот вопрос посвящена эта книга.

При написании данной работы использовались многочисленные и разнообразные источники. Автор обращал особое внимание на доступные ему архивные коллекции. В первую очередь изучались материалы, хранящиеся в *Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в котором отложились многочисленные неопубликованные документы, свидетельства, материалы заседаний правительств Северной области: ВУСО и ВПСО. Письма и воспоминания участников Белого движения, находящиеся в фондах бывшего Пражского заграничного архива, в 1945–1946 гг. перевезенного в Москву и хранившегося в ГАРФе.* В фонде Н. В. Чайковского наибольший интерес представляют записные книжки Чайковского, отрывки из незаконченных мемуаров, переписка с генералом Е. К. Миллером. В фонде Общества Северян (по собиранию и изданию материалов о Гражданской войне на Севере европейской части России) имеются материалы о деятельности ВУСО и ВПСО; протоколы V чрезвычайного губернского земского собрания (1920 г.); воспоминания и переписка участников и свидетелей событий.

Автор использовал материалы архива Гуверского института Стэнфордского университета. Стэнфорд, Калифорния: *коллекции Евгения Миллера, М. Н. Гирса, Н. Н. Головина, Б. В. Геруа, С. П. Мельгунова.* В них отложилась многочисленная переписка руководителей ВПСО с русскими представителями за границей, в первую очередь генерала Миллера.

Автор впервые вводит в научный оборот коллекции Министерства иностранных дел Франции, находящиеся в центрах дипломатических архивов Ла-Курнёва и Нанта. В архиве имеются донесения французских контрразведчиков, военных и гражданских представителей

в Архангельске, содержащих много материалов о жизни в России, об отношениях союзников к ВУСО и ВПСО, о настроениях в русской и союзных армиях, донесения русской контрразведки, материалы о попытке переворота в Архангельске 6 сентября 1918 г.

В книге использованы дневники американских солдат и офицеров из архивной коллекции исторической библиотеки Бентли университета Мичигана, где показано отношение американцев к войне, в которой они участвуют, к местному населению, впечатления от России. Впервые публикуется несколько дневников американских военнослужащих на русском языке.

Автор пользовался многочисленными сборниками документов и воспоминаний, дающих разнообразную картину жизни Северной области, деятельности правительства, белого командования, органов местного самоуправления. Из сборников, выпущенных в последнее время, автор бы хотел отметить альманах «Белое движение на Севере России. Белая гвардия», № 9, Москва, 2006.

В книге использованы материалы из газет и журналов, издававшихся в Архангельске, из советской печати, воспоминания о Гражданской войне на Севере представителей различных борющихся сторон.

Глава I. Архангельск в конце XIX – 1-й половине 1918 г.

1. Архангельск до Первой мировой войны

События, о которых пойдет речь в этой книге, происходили на Русском Севере, в основном в Архангельской губернии. В XIX–XX вв. современников поражали бескрайние просторы края, особенно в сравнении с европейскими странами, и богатства, находящиеся в недрах края и в прилегающих к нему морях, огромные возможности Архангельского порта и в то же самое время экономическая отсталость и неразвитость этого района, по сравнению с другими губерниями европейской части России. Французский посол в России Ж. Нуланс писал министру иностранных дел Франции С. Пишону о трудностях, которые ждут людей в морозном пустынном крае, и о возможностях, которые в нем скрываются: «Более чем огромные трудности ожидают их из-за количества озер, рек, непроходимых болот и трясин, требующих больших инженерных работ. Но производить работы в таком климате необыкновенно тяжело: большая часть железнодорожного пути должна быть построена осенью и зимой при морозах, которые часто достигают -30°C . В этих условиях невозможно даже вообразить, каких расходов потребует доставка материалов и продуктов питания. Но самый тяжелый вопрос – кто будет работать? Не надо надеяться найти рабочих и ремесленников на огромных пустынных просторах, через которые пройдет железная дорога... Нет в Европе другой страны, которая бы простиралась на таких огромных диких просторах и с таким редким и немногочисленным населением»¹. Однако он с восторгом писал: «...богатства этого края хорошо известны. Обилие природных богатств настолько велико, что оно может превзойти то, что нашли золотопромышленники в Калифорнии. В недрах земли спрятаны несметные богатства, которые обогатят будущие поколения. Рыбная ловля дарит дополнительный источник благосостояния, который норвежцы активно разрабатывают со стороны Мурманска. Русские еще не имеют в своем распоряжении достаточно технических средств, кроме того, там нет удобных дорог, не хватает и рынков»².

Еще в XII в. новгородцы основали Михайло-Архангельский монастырь с пристанью. В 1553 г. был построен новый причал, и вскоре туда пришел первый корабль – английское торговое судно. В 1584 г. по указу Ивана Грозного началось строительство нового города (первоначальное название Новохолмогоры). Архангельск стал первым крупным портом русского государства. В XVII в. наступает расцвет Архангельска. В городе основывается иностранная колония. В конце XVII в. строят первые каменные здания. Растет товарооборот Архангельского порта. К концу XVII в. во время непродолжительного летнего навигационного периода в порт заходит до 100 кораблей различных государств, в первую очередь Великобритании.

Петр I придавал особое значение Архангельску, который, по его первоначальному замыслу, должен был стать основной базой русского военного и торгового флота. В 1693 г. Петр основал на острове Соломбала верфь и начал строительство торгового корабля «Святой Павел», который 20 мая 1694 г. торжественно в присутствии Петра и его свиты был спущен на воду. В связи с начавшейся Северной войной для защиты Архангельска от шведского флота по указу Петра I началось строительство Новодвинской крепости. С 1708 г. Архангельск – губернский центр, но в связи со стремительным развитием Петербурга значение Архангельска падает. В 1722 г. был издан указ Петра I о переносе всей внешней торговли с Северной Двины на Неву, что нанесло сильный удар развитию Архангельска. Но в 1762 г. Архангельск был

¹ CADF. Action des Allies dans le nord de la Russie. Carton. Z 619. DS. 10.

² Ibid.

уравнен в торговых правах с Петербургом. В конце XVIII – начале XIX в. значение Архангельска возросло. После введения Наполеоном континентальной блокады Великобритании Архангельск стал единственным в России портом, куда приходили корабли с товарами из британских колоний. Но эпоха Великих реформ 1860–1870-х гг., способствовавшая стремительному развитию России в различных областях, нанесла серьезный удар по Архангельску. В 1860-е гг. было закрыто Архангельское адмиралтейство, упразднены Архангельский гарнизон, военный порт и Новодвинская крепость. Согласно новой военно-морской доктрине, Архангельск – далекий северный порт – потерял всякое стратегическое значение. Первая и Вторая мировые войны доказали ошибочность этих расчетов.

Нужно отметить, что, несмотря на обилие в Архангельской губернии земель, лесов, водных богатств и минеральных ресурсов, многие российские государственные деятели отличались «удивительной» слепотой в отношении возможности края, упорно не замечая того, что сразу увидел предприимчивый посол Франции. Когда в начале 1890-х гг. обсуждался вопрос об открытии железной дороги, соединявшей Архангельск с Вологдой, а через нее со всей Россией, Министерство финансов в служебной записке высказалось решительно против этого проекта. Такое же отношение к Архангельску и Русскому Северу разделяли и крупные российские чиновники, воспринимавшие свое назначение в этот край почти что как ссылку.

Несмотря на такое предвзятое отношение, в конце XIX – начале XX в. происходит развитие Архангельска как крупного портового центра. На это повлиял ряд обстоятельств. Во второй половине XIX в. на мировых рынках быстро стал расти спрос на лесоматериалы. Это ускорило развитие лесоторговли на Русском Севере. Архангельский порт был очень удобно расположен. Начатые в 1887 г. работы дали свободный проход морским судам в Северную Двину. В 1898 г. началось движение поездов по железной дороге, соединившей Архангельск с Вологдой. Но железная дорога была узкоколейной и могла пропускать в день не более трех поездов. Поезда не доходили до самого Архангельска. Их маршрут заканчивался на левом берегу Двины, как раз напротив города. Попасть в Архангельск можно было только на пароходе или на санях по льду. В периоды ледохода и ледостава сообщение с городом прерывалось. Но доставлять людей и товары в Архангельск было трудно не только по железной дороге. Навигация могла продолжаться всего несколько месяцев. Северная Двина замерзала обычно в октябре, а Двинская губа Белого моря – в декабре. Таяние льда происходило в апреле-мае, за редкими исключениями. Архангельское купечество требовало от Министерства торговли и промышленности приобрести несколько ледоходов, как минимум два, для продления навигации. Но к началу войны в Архангельске был только один слабосильный ледоход «Лебедин». Отсутствие развитой системы речной, морской и сухопутной связи, слабая портовая инфраструктура приводили к тому, что Архангельский порт не использовал свою пропускную способность.

В 1913 г. в Архангельской губернии, в основном в Архангельске, насчитывалось 44 лесозавода, на которых работало подавляющее большинство из 25 тыс. рабочих губернии. Из Архангельского порта экспортировалось более 90 % леса. Но лесобработывающая промышленность была слабо развита, недостаточно технически оснащена, поэтому в основном экспортировался дешевый непиленный лес. До Первой мировой войны Архангельский порт развивался в первую очередь как экспортный. Две трети экспорта направлялось в Великобританию. Ввозились в Архангельский порт продовольственные товары – рыба (из Норвегии), соль и т. д. Второе место в импорте занимал уголь, а затем шли строительные материалы, в основном цемент.

На 1 января 1914 г. население Архангельска насчитывало 43 388 человек. На современников, впервые попавших в Архангельск, город производил довольно жалкое впечатление. Британский консул Д. Янг писал о нем в 1915 г.: «Край света, где люди жили, прозябая, где свиньи весной и осенью валялись в луже грязи, на всех улицах, кроме главной, где наглые козы

срывали и пожирали красочные плакаты в лужах, где коровы, бредущие без присмотра в летние вечера с общинных пастбищ, сами заворачивали во дворы своих хозяев»³.

Санитарное состояние Архангельска было крайне тяжелым. В городе не было канализации, водопровод был лишь в нескольких центральных кварталах, но и водопроводная вода не считалась достаточно очищенной, т. к. отсутствовали дренажные сооружения. Город был расположен в болотистой местности, что создавало большие проблемы, особенно весной, когда поднимались грунтовые воды. Наиболее тяжелое положение складывалось на городских окраинах: в Кузничихе, на острове Соломбале и в не входивших в состав города пригородах: Маймакских поселках, Экономии, Бакарице, левом берегу Исакогорки и др. В них проживало подавляющее большинство из 20 тыс. городских рабочих, в основном из близлежащих деревень, но также из других губерний, приезжавших в город во время навигации. Социальное неравенство в Архангельске бросалось в глаза сильнее, чем в других российских городах. На добыче и торговле лесоматериалами, на судоходстве делались колоссальные состояния, именно для их владельцев действовали небольшая телефонная сеть на тысячу номеров, водопровод, три небольшие частные электростанции, обслуживающие несколько десятков домов. В связи с тем, что город вытянулся вдоль Двины, передвижение по нему было затруднено.

Многие иностранцы в XVII – начале XX в. приезжали в Россию в надежде разбогатеть. Архангельск был одним из первых русских городов, где они обосновались. С 1620-х гг. здесь существовала иностранная колония, т. н. «немецкая слобода», превратившаяся в лучший район города. Среди ее жителей были выходцы из различных стран Европы, но в большинстве из Германии, о чем говорили названия улиц: Гамбургская, Прусская и Любекская (до 1916 г.). Часть жителей немецкой слободы насчитывали несколько поколений предков, живущих в Архангельске, но, несмотря на это, их родным языком оставался немецкий. На нем велось обучение в «немецком училище», служба в местной кирхе. Немецкий клуб считался самым престижным в городе, но русских пускали туда крайне редко. Архангельск был, наверное, самым космополитическим российским городом. На многих российских деятелей культуры, впервые попавших в него, это производило отрицательное впечатление. В. Немирович-Данченко, посетивший Архангельск в 1870-х гг., назвал его «немецким городом».

Среди представителей городской элиты, богатых купцов было много людей с иностранными фамилиями. Большой частью это были российские подданные, но многие – подданные других стран, в том числе и тех, с кем Россия будет воевать в Первой мировой войне. Пост городского головы в 1895–1917 гг. занимали два человека – богатейшие люди города, лесопромышленники В. В. Гувелякен и Я. И. Лейцингер. Впрочем, подавляющее большинство местных предпринимателей, вне зависимости от гражданства, религии и национальности, думали, прежде всего, о том, чтобы как можно скорее получить максимальные доходы и как можно меньше тратить средств на усовершенствование производства. Из-за примитивных способов сплава и хранения бревен значительная их часть по пути к порту портилась и теряла большую часть стоимости.

Многие из жителей не отличались изысканным вкусом и предпочитали простые жизненные радости. Евгения Фрезер, отец которой был русским архангельским купцом, а мать англичанкой, через много десятилетий с улыбкой вспоминала рассказы матери о невиданных в ее далекой Шотландии архангельских «лукулловых пирах»: «Я помню мамин рассказ о первом званом вечере, когда мадам Суркова, жена богатого пивовара, праздновала именины. Приглашение было на чай на 9 вечера. Как пояснил Герман (отец автора воспоминаний. – Л. П.), это предполагало явиться в вечернем платье. “Вечернее платье на чашку чая – как странно”, – подумала мама.

³ Цит. по: *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 26.

Когда мама и папа прибыли в дом Сурковых, хозяйка сидела в гостиной за серебряным самоваром. “Идите сюда, дорогая, – позвала она Нелли (мать автора воспоминаний. – Л. П.), – расскажите мне что-нибудь о сегодняшней Англии”... молодые горничные с чашками и пирожными сновали среди гостей. После чая самовар был убран, на столе появились яства. Икра трех цветов – серая, черная и ярко-оранжевая, маринованный сельдь, копченый лосось, паштеты, омары, сыры, а к ним водка и ликер, который очень нравился дамам, – рябиновка на коньяке. Когда, казалось, все насытились, и этот стол был убран, Нелли подумала, что вечер заканчивается, и дала знак Герману, <...> что пора бы собираться, на что он отрицательно качнул головой <...>. Ровно в полночь дворецкий объявил, что подан ужин. <...> Это был уже настоящий гаргантюанский пир – консоме с грибными пирожками, осетр в вине, грудки куропаток в сметане, блинчики с икрой, <...> затем кофе, мороженое разных сортов и фрукты. Лишь после этого дамы стали разъезжаться по домам, но их мужья остались еще и, собравшись в кабинете, играли в карты. В 6 часов утра подали завтрак, после чего последние из приглашенных на чай разъехались по домам переодеться и отправиться в контору»⁴.

Помимо Архангельска, других крупных городов в губернии не было. Из еще семи городов самым большим был Онега (2,5 тыс. жителей), самым маленьким – Кола (600 человек). Города с немощеными улицами, одним или двумя каменными зданиями мало отличались от деревень. Из 500-тысячного населения губернии ок. 90 % составляли сельские жители. Несмотря на такой большой процент сельского населения, самостоятельно обеспечить себя продовольствием Архангельская губерния не могла. Для развития интенсивного сельского хозяйства не было подходящих природных условий: суровая северная природа с длинной зимой и коротким холодным летом. Из-за частых заморозков случались неурожаи. Помимо тяжелого климата, в губернии были крайне примитивные формы ведения сельского хозяйства. Большинство крестьянских хозяйств использовали деревянные сохи, отсутствовала любая сельскохозяйственная техника, а во многих хозяйствах и лошади. Практически не было удобрений, налаженной системы мелиорации, прогрессивных севооборотов.

Северная деревня никогда не знала крепостного права, и большинство крестьян, особенно в наиболее сельскохозяйственно развитом уезде Шенкурском, были удельными. Несмотря на обширные земельные просторы, крестьянское хозяйство страдало от малоземелья. После реформы 1861 г. земельный надел был определен в 7 десятин на одну мужскую душу. На Севере было много покрытых лесами земель, и получить их крестьянам под т. н. расчистку было сравнительно просто. Но маленькие крестьянские хозяйства, страдавшие от недостатка скота и сельхозтехники, осваивали эти участки земли крайне медленно. Архангельский губернатор С. Д. Бибиков после посещения Шенкурского уезда в 1912 г. отмечал, что, получив наделы удельной земли, «население значительно выросло, а удельные угодья путем разработки лесных зарослей увеличились всего на 8 %, вследствие чего удельный надел в начале 900-х в среднем не превышал 1,5 десятин на наличную душу»⁵. От 3/4 до 4/5 потребляемого хлеба ввозилось из других районов России, в основном из Сибири. Губерния сама обеспечивала себя овощами, картофелем, мясом, добываемым охотой. Несмотря на то что рыболовством занималось много людей, обеспечить население рыбой архангельские поморы не могли. Рыбу добывали норвежские моряки, у которых поморы ее покупали или меняли на сибирский хлеб, а затем доставляли на губернскую ярмарку. Доходов от сельского хозяйства, охоты и рыболовства крестьянам не хватало, и все более значительную роль стали играть разнообразные промыслы, в основном заготовка леса и смолокурение. Крестьянские артели занимались заготовкой и сплавом леса. Многие крестьяне уходили на сезонную работу в города, на лесозаводы и в порт.

⁴ Фрезер Е. Дом над Двиной. Детство в Архангельске. Архангельск, 1998. С. 134–135.

⁵ Цит. по: Овсянкин Е. И. Огненная межа. Архангельск, 1997. С. 3.

Бурная общественно-политическая жизнь в стране в начале XX в. затронула и Архангельскую губернию. Местных общественных деятелей волновали как общие проблемы, стоящие перед страной, так и проблемы развития Русского Севера. Во время революции 1905–1907 гг. стали образовываться отделения общеполитических партий. Много сторонников нашлось у Партии народной свободы (ПНС). Губернский партийный комитет был создан в октябре 1905 г. Немногим позже образовались уездные комитеты в Онеге и Шенкурске. В партийную организацию в основном входили представители интеллигенции и буржуазии. Лидерами местных кадетов стали присяжные поверенные: Н. А. Старцев и И. А. Кривоногов; врачи: Н. В. Мефодиев – начальник лазарета Красного Креста и С. Ф. Гренков. В партию входили известные архангельские промышленники и торговцы: С. С. Александров, Н. А. Калинин, Х. Н. Манаков и др. Вопреки утверждениям советских историков о том, что ПНС поддерживали только представители кулачества, которых на Севере было очень мало, ПНС пользовалась в северной деревне популярностью, и крестьяне иногда записывались в партию практически всем сельским обществом. В конце 1905 г. в нее вступили 116 домохозяев Верхне-Мудьюжского сельского общества Онежского уезда⁶. Архангельская партийная организация насчитывала 170 человек, Шенкурская – 130, Онежская – 116⁷. Кадеты смогли добиться избрания своих представителей в Российскую Государственную думу. В 4-й Государственной думе губернию представляли Старцев и Кривоногов.

В борьбе за популярность в Архангельской губернии с кадетами могли поспорить эсеры. В губернии существовали значительные эсеровские организации, состоявшие в основном из рабочих и крестьян. Первая эсеровская группа в Архангельске была создана в 1904 г. В 1906 г. был образован губернский комитет. В этот год в Архангельске в партию входили 300–350 человек, в селе Ковда – 111⁸. Существовали организации в Мизени и Шенкурске. Подавляющее большинство членов партийной организации Архангельска составляли рабочие⁹. В Шенкурском уезде функционировали три крестьянские эсеровские организации с небольшим числом представителей интеллигенции. В 1905–1906 гг. в нем вспыхнули крестьянские волнения, в которых эсеры играли большую роль. Для их подавления по распоряжению председателя Совета министров пришлось посылать войска. Крестьяне создали «Союз шенкурских крестьян». Требования крестьян носили радикальный характер: увеличение крестьянских наделов за счет передачи им удельных, казенных, монастырских и некоторой части частных земель без выкупа. Для удовлетворения своих требований крестьянские съезды постановляли: «Прекратить взносы выкупных платежей и государственного земельного налога, за исключением земского сбора, не платить арендных денег в удельное ведомство, а лесными материалами из уездных дач пользоваться безвозмездно...»¹⁰ Они требовали «предложить родителям и родственникам служащих в солдатах, чтобы они сообщили последним не стрелять в народ, так как они расстреливают своих братьев, борющихся за свободу и право». А в отношении солдат из местных жителей, которые все-таки будут стрелять, было решено: «...по возвращении со службы наложить бойкот»¹¹. Воплощая в жизнь постановления съездов, крестьяне рубили лес в удельных дачах, прекратили выплату всех платежей. Для защиты от полиции было решено приступить к организации дружин: «Набор дружин должно произвести каждое общество»¹². Движение удалось подавить только в конце 1906 г., после присылки в уезд воинской части.

⁶ Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция». Белое движение и Гражданская война на Русском Севере. 1917–1920. М., 2011. С. 27.

⁷ Овсянкин Е. И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг.: мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 14.

⁸ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 456.

⁹ Там же.

¹⁰ Овсянкин Е. И. Огненная межа. С. 7.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 7.

Были арестованы 50 человек, в том числе 21 крестьянин. О популярности партии среди крестьян Архангельской губернии свидетельствует и ее победа на выборах во 2-ю Государственную думу, когда от губернии были избраны два депутата, один из которых присоединился к эсеровской фракции, а второй – к очень близкой ей фракции трудовиков. Социал-демократы были представлены значительно слабее, чем эсеры. Хотя комитет РСДРП был создан в Архангельске в 1903 г., в состав социал-демократической организации входили ссыльные, представители местной интеллигенции, учащиеся старших классов и совсем немного рабочих. Комитет создал типографию и выпустил несколько листовок. Но в сентябре 1907 г. комитет был разгромлен полицией, его члены арестованы, типография ликвидирована. Во время революции 1905–1907 гг. в Архангельской губернии происходили забастовки, но, в отличие от других районов страны, они носили исключительно мирный характер. Рабочие выдвигали только экономические требования¹³. Крупнейшая забастовка в Архангельске в мае – июне 1906 г., в которой участвовали ок. 9 тыс. рабочих семнадцати лесозаводов, проходила исключительно мирно. Демонстрации устраивались только с разрешения губернатора. Переговоры рабочих с предпринимателями велись при посредничестве губернатора Н. Н. Качалова и закончились подписанием компромиссного соглашения. Рабочий день был сокращен на 1 час, а зарплата повышена на 10–20 %.

¹³ Единственное политическое требование, выдвинутое во время одной из забастовок: разрешить празднование 1 Мая без вычетов из зарплаты.

2. Первая мировая война

Первая мировая война с наглядностью показала полную неготовность России. Среди многих крупных просчетов было слабое развитие Архангельского порта. Сразу после начала войны действия немецкого флота исключили для России возможность пользоваться балтийскими портами, а после вступления в войну Турции 16 октября 1914 г. такая же судьба постигла и черноморские порты. Архангельский порт стал единственным, через который Россия могла получать от союзников жизненно необходимые для ведения войны оружие, каменный уголь, заводское оборудование и т. д. Но Архангельск к началу войны был абсолютно не готов к тому, чтобы играть роль основного порта страны. Город был совершенно беззащитен перед лицом германской угрозы, в нем фактически не было ни сухопутных, ни военно-морских сил, никаких береговых оборонительных сооружений.

В первые месяцы после начала войны положение с приемом грузов в Архангельске было отчаянное. К зиме вдоль левого берега Северной Двины на километры протянулись горы угля. Под угольные склады была передана часть Смольного буяна, и любимое место гуляния горожан Мосеев остров был весь завален углем. Эти грузы необходимо было вывезти из Архангельска в центр страны, однако узкоколейная железная дорога не могла справиться с таким объемом перевозок. Высшие государственные власти России постарались решить проблемы, которая война поставила перед страной. Были приняты меры к обеспечению безопасности Севера и морских коммуникаций.

Энергичные усилия были предприняты для расширения Архангельского порта и для организации работы в нем в военных условиях. Если накануне войны в порту могли одновременно разгружаться не более 5–7 больших морских пароходов, то уже к осени 1914 г. одновременно разгружалось до 50 океанских пароходов. В 1914 – начале 1916 г. в Бакарице был построен фактически новый порт с 36 причалами, на портовой территории – железнодорожный путь, выходивший к двум разъездам Северной железной дороги. Посетивший летом 1915 г. Архангельск член ЦК ПНС С. В. Чесноков в интервью местной газете был вынужден признать, что Бакарица «с ее чисто американским устройством, с десятками пароходов напоминает уголок Сан-Франциско»¹⁴.

Но, учитывая все трудности использования только одного Архангельского порта с крайне коротким навигационным периодом, в 1915 г. началось строительство Мурманского порта и Мурманской железной дороги в незамерзающей части Баренцева моря. 21 сентября 1916 г. был основан город Мурманск, к этому времени были уже построены порт и железная дорога.

В мае 1915 г. начались работы по расширению железнодорожного полотна на линии Архангельск – Вологда. 18 января 1916 г. по усовершенствованной железной дороге началось движение поездов. За 9 месяцев в тундре было построено еще 96 верст дороги.

Преобразование Архангельска в основной порт России привело к резкому увеличению численности населения. 1 января 1914 г. население города составляло 43 388 человек; 1 января 1917 г. – 65 572¹⁵. Но в это число не входили военнотруженики, беженцы, а также население разросшихся за время войны пригородов: Маймаксанских поселков, Экономии, Бакарицы, Левого берега, Исакогорки и вновь появившихся во время войны рабочих поселков, расположенных вверх по течению Северной Двины и на островах ее дельты. Официально эти районы не входили в городскую черту, но составляли с городом одно целое. Численность населения постоянно менялась. Сезонные рабочие уезжали обратно в деревни, беженцы расселялись в губер-

¹⁴ Трошина Т. И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Книга для учителей. Архангельск, 2008. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 124.

нии или покидали суровый северный край и т. д. По подсчетам местных историков, в городе накануне Февральской революции проживали до 130 тыс. человек¹⁶. После начала войны многие жители губернии остались без работы. Угроза со стороны немецких кораблей и подводных лодок привела к резкому падению рыболовного промысла. В связи с перестройкой Архангельского порта в первую очередь на прием иностранных судов с военными грузами, закрылись многие лесозаводы. Но колоссальная работа в порту и строительство новых портовых сооружений и железных дорог требовали огромного количества новых рабочих рук. Руководство порта резко подняло заработную плату. Расценки на разгрузочные работы в Архангельском порту в 1914 г. составили до 8 рублей в сутки, т. е. в пять раз превысили довоенные. В дальнейшем нехватка рабочих рук еще более обострилась, частично из-за проведенной летом 1915 г. внеочередной мобилизации. В августе 1916 г. зарплата грузчиков в порту составляла в среднем 300–360 рублей в месяц, а оклад городского – 35 рублей. Дело дошло до того, что сотрудники полиции «испрашивают отпуск на 1–2 недели и работают в порту, чтобы улучшить свое материальное положение»¹⁷. Тысячи людей со всей страны стремились попасть в Архангельск, несмотря на тяжелые климатические условия, трудности с жильем и проблемы с продовольствием.

Нехватка рабочих рук ощущалась на всех предприятиях Архангельска, кроме порта. Ее пытались восполнить, используя женский, подростковый и детский труд. Для различных работ использовались военнослужащие. Власти пытались решить проблемы нехватки рабочей силы, направляя в город беженцев из других районов страны. Так, в Архангельск было направлено большое количество квалифицированных рабочих из Риги, раньше работавших в Рижском порту. Латыши занимали первое место среди беженцев разных национальностей. Если представители других национальностей жили в различных населенных пунктах Архангельской губернии, то латыши селились в Архангельске. В важнейший военный порт страны прибыла группа откровенных врагов существующей власти – рижская группа большевиков (42 человека). Многие члены группы давно состояли в РСДРП(б) и участвовали в революции 1905 г. Они создали подпольную организацию, но вели пропаганду только среди рабочих-латышей. Интересно, что ни местное жандармское отделение, ни военная и флотская контрразведки не обращали на рабочих-большевиков никакого внимания. Это происходило в то время, когда в Архангельске и по всей стране нагнеталась настоящая антинемецкая истерия.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 115.

3. Архангельск в 1917 – начале 1918 г.

К февралю 1917 г. Архангельск, как и вся страна, находился в состоянии острейшего экономического, политического и социального кризиса. Местные жители по-разному восприняли сообщения о падении царизма. Если рабочие и представители левой интеллигенции устраивали радостные массовые демонстрации, то в других слоях населения отношение к происходящим событиям было более сложным. Евгения Фрезер вспоминала: «В нашем доме известие о революции было встречено со смешанными чувствами: печаль, неуверенность и смирение перед совершившимся <...> преобладала страстная надежда, что демократическое правительство положит конец войне, прекратит эту страшную бойню»¹⁸ взглядов чувствовали, что произошла катастрофа. Священник одной из церквей в Исакагорке П. Ильинский писал: «Совершилось что-то такое совсем необычное, совершенно неожиданное. Может быть, люди, внимательно наблюдавшие общественную жизнь, ожидали этого переворота, но для нас, воспитанных на идеях монархизма, святости и неприкосновенности царской власти, события, которые мы переживаем, явились громовым ударом, сразу выбили нас из колеи жизни... Первые переживания – это полная растерянность, точно почва уходила из-под ног, невольный страх перед будущим»¹⁹.

Директриса женской Ольгинской гимназии, только что пославшая телеграмму Николаю II с выражением «чувства беспредельной верноподданнической любви и преданности», не знала, что сказать своим ученицам о произошедшем. Одна из них через много лет вспоминала ее слова: «Девочки, многие из вас, вероятно, слышали, что в нашей стране произошла революция. Мы больше не будем петь Национальный гимн в конце службы. Вот и все, – закончила она, не в состоянии сказать что-нибудь еще. На стенах, где еще вчера висели портреты царя и его семьи, теперь были пустые места»²⁰.

После революции жизнь в Архангельске, как и по всей стране, была ключом. Уже на массовом рабочем митинге 2 марта была создана организационная комиссия, которую возглавил меньшевик А. В. Папилов. 3 марта состоялось первое заседание Архангельского совета рабочих и солдатских депутатов.

В исполком совета вошли 12 человек: меньшевики, эсеры и один большевик. До июня 1917 г. меньшевики и большевики действовали в рамках объединенной организации. Даже много месяцев спустя после Февральской революции влияние большевиков в Архангельске было минимальным. В феврале 1917 г. была создана архангельская организация РСДРП, и, хотя в ее состав входили и русские большевики, организацию возглавили латыши, а русские и латышские члены организации действовали изолированно друг от друга. На собраниях архангельских большевиков присутствовали только латыши, русским там нечего было делать, т. к. они велись на латышском. Даже в августе 1917 г. местная большевистская организация, по признанию одного из своих лидеров А. Я. Тимме, «была бессильна влиять даже на совет». Архангельская объединенная организация РСДРП была немногочисленной и насчитывала около 50 человек. Но среди меньшевиков было много опытных работников, хороших ораторов, пользовавшихся популярностью. В июне 1917 г. по инициативе большевиков единая организация РСДРП распалась, к августу 1917 г. меньшевистская организация Архангельска насчитывала в своих рядах около 700 человек.

Основной политической партией в Архангельской губернии в это время, как и по всей стране, стала ПСР. Эсеры были известны как партия, которая защищает в первую очередь

¹⁸ Фрезер Е. Указ. соч. С. 313–314.

¹⁹ Овсянкин Е. И. На изломе истории. С. 23.

²⁰ Фрезер Е. Указ. соч. С. 314.

интересы крестьянства. Поэтому они были популярны в одной из самых крестьянских губерний России. Их взгляды разделяли большое число представителей местной интеллигенции, десятки тысяч рабочих солдат и матросов, оказавшихся в городе во время войны. На популярность партии влияло и то, что она воспринималась многими как правящая. 14 марта в Архангельске состоялось организационное партийное собрание, в котором участвовало ок. 400 человек, а к маю в составе городской партийной организации насчитывалось 600. Эсеры занимали ведущие позиции в Архангельском совете, возглавляли состоявшийся в Архангельске в июне 1917 г. губернский крестьянский съезд. В избранный съездом исполком вошли только социалисты-революционеры. Эсеры возглавили практически все уездные советы, советы Мурманска и других городов края, а также кооперативные организации, сельские волостные комитеты. Раскол партии на правых, центристов и левых еще не ощущался в Архангельской губернии. Партия принимала активное участие в избирательной кампании в Учредительное собрание, ведя основную борьбу с ПНС. Объединенные организации действовали во многих городах страны. Большевики и эсеры на выборах в городскую думу объединились в «Единый революционный демократический список», одержавший убедительную победу, получив 42 из 60 мест. Большевики приняли решение бойкотировать выборы в городскую думу, что еще больше ослабило их влияние. Во главе ряда основных органов власти в Архангельске в 1917 г. стояли меньшевики. Председателем Архангельского совета рабочих и солдатских депутатов стал меньшевик К. А. Кошкин. В мае следующим главой совета стал меньшевик В. В. Бустрем. А. А. Житков являлся председателем Комитета общественной безопасности, а с августа 1917 г. – председателем городской думы.

Как и по всей стране, в Архангельской губернии после Февральской революции исчезли все партии правее ПНС, даже «Союз 17 октября», насчитывавший в 1906 г. в Архангельске до 300 человек, не подавал признаков жизни. Многие октябристы примкнули к ПНС, ставшей в 1917 г. основной правой партией в стране, но ее популярность значительно уступала популярности в 1905–1906 гг. В мае 1917 г. кадетская организация Архангельска насчитывала всего 130 человек. Были созданы партийные организации в Шенкурске, Онеге, Пинеге. Несмотря на большое число интеллигентных работников, некоторых членов Государственной думы, крупнейших предпринимателей Архангельска В. В. Гувелякена, И. И. Данишевского, предоставивших необходимые средства, партия не пользовалась особой популярностью в губернии. Это наглядно показали выборы в Архангельскую городскую думу. Кадеты получили 16 % голосов и всего 9 мест. Но умеренные социалисты, проводившие политику коалиционного соглашения с буржуазными партиями, предоставили лидеру губернской партийной организации пост заместителя председателя городской думы.

Первые месяцы после февральских событий в Архангельске царило радостно-сумасшедшее настроение. Демонстрации, митинги, народные шествия, революционные празднества шли одно за другим. Вообще состояние российского общества в 1917 г. лучше всего характеризовать не в историко-социологических терминах, а в психиатрических. Это сознавали некоторые современники. Всероссийский съезд врачей в конце июля 1917 г. поставил точный диагноз состояния, в котором находилась страна, – «острый социальный психоз». На улицах, в школах разыгрывались театрализованные революционные представления. Россия сыграла выдающуюся роль в развитии мирового театра, но во многом это объясняется склонностью народа к театральным эффектам, к дешевой сентиментальности. Может, поэтому отличительными чертами великих революций русской и французской стали различные революционные постановки, где театральное действие часто из пошлой мелодрамы превращалось в кровавую бойню. Современники описывали, как проходили первые месяцы революции в Архангельске: «В первые месяцы после революции в городе царили веселье и оптимизм, проводились шествия, устраивались концерты, ставились пьесы, а в самом большом кинотеатре при переполненном зале шел фильм о Распутине, о его влиянии на императрицу. В одном из концертов, организован-

ном для сбора средств, принимали участие гимназисты и гимназистки, одетые в национальные костюмы, мы стояли группами по всей сцене. Когда поднялся занавес, “Старая матушка Русь” в обличье злой Бабы Яги медленно проваливалась в пол на сцене, а по мере того, как она исчезала, через какое-то хитрое приспособление, появлялась молодая красавица, одетая в красный сарафан. У молодой новой России, к сожалению, случились какие-то трудности в пролезании через люк с огромным красным флагом. Но как только над полом появилась ее хорошенькая голова, мы грянули Марсельезу»²¹.

Это бурное радостное веселье проходило на фоне все ухудшающегося экономического положения в стране и городе, обесценивания национальной валюты и все более критического положения с продовольственным снабжением края. Тщетно сразу же после начала революции Архангельская городская дума взывала: «...сознавая всю важность переживаемых событий (Дума. – *Прим. Л. П.*), считает своим долгом обратиться ко всему населению с призывом сохранить полное спокойствие и порядок. Все промышленные торговые и учреждения должны продолжать безостановочно свою деятельность. Весь рабочий люд должен продолжать свое славное дело по защите Родины... Важность и значение момента требуют, чтобы были забыты все наши разногласия. Продовольственное дело, доведенное старой властью до полной разрухи, требует от нас сугубого внимания... дума <...> призывает население воздержаться от всяких манифестаций, и в сознании серьезности момента ни на одну минуту, ни на одну секунду не отказываться от дела, порученного каждому из нас... Население должно сознавать, что враг зорко следит за нами и может воспользоваться даже мигмом замешательства»²².

Но эти призывы оставались гласом вопиющего в пустыне. Массовые шествия не прекращались ни на один день. А главной задачей архангельского пролетариата было получать как можно больше, а работать как можно меньше, впрочем, эти взгляды разделяли большинство российских пролетариев. Сразу же после революции рабочие с увлечением занялись созданием всевозможных рабочих организаций. На лесных заводах Маймаксы началось создание завкомов. 5 марта был создан первый завком на заводе Шольца. За несколько дней завкомы образовались на большинстве лесозаводов, а затем был организован профсоюз рабочих и служащих лесопромышленных предприятий. 10 марта был создан профсоюз работников Архангельского порта, 31 марта – профсоюз транспортников. Одним из основных требований рабочих было введение 8-часового рабочего дня. Несмотря на то что Архангельский совет был настроен достаточно радикально, он хорошо понимал, что немедленное введение этой меры будет означать полный паралич экономики края. На заседании совета 12 апреля 1917 г. было решено предложить исполкому совместно с завкомом и предпринимателями немедленно обсудить этот вопрос и приложить усилия к «возможно скорейшему осуществлению в Архангельске желанной реформы». Но рабочие ждать отказались. 19 апреля собрание 11 заводов Маймаксы постановило ввести 8-часовой рабочий день. 23 апреля такое же решение приняло общее собрание представителей всех заводов Маймаксы. Совет был вынужден следовать за пожеланиями рабочих. В тот же день совет постановил ввести 8-часовой рабочий день с 24 апреля. Но рабочим этого было мало, тем более что продовольствия больше не стало, а деньги стремительно обесценивались. В июне на собрании рабочих комитетов лесопильных заводов Архангельска выдвигались требования о принятии самых энергичных мер в борьбе с безработицей и ужесточение контроля найма и увольнения рабочих: «Ввести строгий контроль над действиями капиталистов»²³.

Фактически речь шла о введении рабочего контроля. Рабочие Архангельска, избалованные сверхдоходами в годы войны, в желании полностью распоряжаться заводами и фабриками

²¹ Там же.

²² Цит. по: *Овсянкин Е. И.* На изломе истории. С. 22.

²³ Там же. С. 45.

шли впереди рабочего класса России. Профсоюз рабочих и служащих лесопромышленных предприятий потребовал от лесопромышленников, чтобы ни один из них «не позволял проводить любое хозяйственное мероприятие без разрешения и ведома местного комитета», а также чтобы «без ведома завкома ни один из рабочих не может быть рассчитан или принят». Рабочие «для пополнения библиотек и читален потребовали у предпринимателей по 150 рублей в год и за прошлые годы с 1906 по 1917 по 50 рублей в год»²⁴. Рабочие постоянно настаивали на повышении зарплаты. Предприниматели стали закрывать заводы. Более других были возмущены иностранные владельцы, такие как хозяева фирмы «Норд».

Многими из рабочих двигало элементарное чувство наживы. Они хотели овладеть предприятиями, продать все, что на нем есть, до последнего болта, совершенно не заботясь о том, что с ними самими будет завтра. Совет во всем поддерживал рабочих, и зарплата в Архангельске и Мурманске выросла в два-три раза. Но рост зарплаты, печатание все новых денег вели к инфляции и росту цен. Уже к февралю 1917 г. покупательная способность рубля составляла 7 копеек от его довоенной цены²⁵. Продовольствия не хватало. Еще до революции губернатор выпустил постановление об уголовной ответственности за установление чрезмерных цен на продукты питания. Но расстройство хозяйственной жизни, особенно железнодорожных перевозок, приводило к нехватке продуктов. В мае в Архангельске разразился настоящий продовольственный кризис. Вместо 837 тыс. пудов продовольствия смогли заготовить только 190 тыс. В дальнейшем положение ухудшилось. Отсутствие твердой власти в России, развал хозяйственной жизни только усугубляли положение. Чтобы избежать голода, был разрешен ввоз через Архангельский порт продуктов питания. Но стремительное падение курса рубля делало такие поставки невыгодными.

В то время как Русскому Северу угрожал голод, из Архангельска в большом количестве вывозился хлеб за границу, но по мере дальнейшего нарастания продовольственного кризиса усиливались протесты. Активно стали вмешиваться советы. Осенью 1917 г. Временное правительство постановило для разрешения катастрофического продовольственного положения в стране прекратить поставки хлеба за границу и везти его в Петроград. Но было слишком поздно, весь хлеб был уже вывезен. Для спасения положения местные власти часто шли на отчаянные меры. В октябре 1917 г. в Архангельск прибыл пароход «Обь» с грузом продовольствия для отправки в Петербург. Но городские власти решили оставить весь хлеб в Архангельске.

От падения курса рубля, нехватки продовольствия страдали все слои населения. Е. Фрезер писала о проблемах буржуазных семей в городе: «Отсутствие самых необходимых вещей стало необычайно острым. На рынке крестьяне еще продавали, хоть и дорого, молоко и масло, но не хватало муки, мяса, сахара, чая и даже мыла. Наша семья была удачливее других, потому что у нас были овцы, и проблем с мясом не было. Мы даже могли помогать друзьям. Однако и нас ждал неожиданный удар: умер наш баран. Привести ему замену из Шотландии было невозможно... Одну за других их (овец) зарезали...»²⁶

Бурная революционная радость, с одной стороны, и все усиливающаяся хозяйственная катастрофа – с другой, были не единственными показателями того полусумасшедшего состояния, в котором находилась страна в целом и Архангельская губерния в частности. Страну охватила настоящая управленческая лихорадка, стремление создавать все новые и новые структуры власти неизменно демократическим путем, без определенных функций, часто пересекавшихся друг с другом в своей практической деятельности.

²⁴ Там же. С. 44.

²⁵ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 112.

²⁶ Фрезер Е. Указ. соч. С. 315–316.

Сразу после получения сообщения о революции, 6 марта власть перешла в руки городской думы и Архангельского совета рабочих депутатов. Временное правительство назначило комиссаром губернии городского голову В. В. Гувелякена, через месяц ушедшего в отставку. Комиссаром стал управляющий государственными имуществами губернии Н. И. Беляев. Он продержался на своем посту до начала октября 1917 г. Но процесс создания новых органов революционной власти принял в губернии лавинообразный характер. На расширенном заседании городской думы 2 марта было решено создать новую организацию, стоящую «на страже поддержания спокойствия», – Общегородской обывательский комитет в составе: представителей думы, совета, военно-промышленных и биржевых комитетов, кооперативов. С той же целью 4 марта 1917 г. был создан Комитет общественной безопасности. В него вошли 10 представителей совета, 6 – военного флота, 3 гласных городской думы, представители кооперативов, биржевого комитета и других организаций под председательством меньшевика А. А. Житкова. В апреле 1917 г. был создан еще один орган губернской власти – Временный губернский комитет, составленный из представителей более чем 30 организаций – от совета до купеческого общества. Новый комитет должен был заниматься подготовкой к введению в губернии земского самоуправления. Но этим же занимались и земская комиссия Архангельского общества изучения Русского Севера, созданная в июне 1917 г., и Временная губернская управа, а также губернский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов. Многочисленные органы дублировали друг друга, их интересы сталкивались, ощущение сумасшедшего дома усиливалось еще и тем, что часто одни и те же общественные деятели выступали как представители различных организаций. В деревне происходила такая же, если не большая, путаница новых властей, и населению, в большинстве своем неграмотному, было практически невозможно в них разобраться.

В уездах и волостях также образовывались различные властные органы: волостные управы, советы, а также земства, никогда ранее не существовавшие в Архангельской губернии. Выборы земских гласных состоялись осенью 1917 г. одновременно с выборами в Учредительное собрание. В итоге многочисленные выборы вызвали большое недовольство местного населения. Если на первые выборы в Архангельском уезде явилось более половины населения, то на вторые и третьи явилось не более 10–15 % избирателей. Крестьяне стали относиться к новым органам власти как к паразитам.

Недовольство обилием новых властей иногда приводило к довольно парадоксальным результатам. Так, председатель Шенкурской земской управы поехал по уезду, чтобы рассмотреть многочисленные жалобы на неразбериху и плохую работу новых органов власти. Он писал о положении в Пуйской волости: «...наиболее темная часть населения сорвала работу земства: после выборов членов управы и назначения окладов был устроен сход, на котором было постановлено: ввиду высоких окладов земства не признавать, избрать старшину и его помощника и восстановить старое волостное правление. Это и было исполнено. Но новый старшина после схода не решился принять дело и вступить в управление. Волостная же земская управа, в свою очередь, также не рискнула принимать дела и вступить в управление»²⁷.

В 1917–1918 гг. для русской деревни наступила невиданная раньше жизнь. В ней воплотились все народные мечты о счастье. Эсер Е. В. Едовин писал о настроении крестьян Шенкурского уезда: «Отсутствие твердой власти государства на местах повело к отрицанию обязательных законов. Право свободной критики законов принято при темноте населения, как право не повиноваться законам, по мнению населения, невыгодным. Это, в свою очередь, может привести к многозаконию... я должен указать, что такое неприятие законов и отсутствие или слабость власти, как назначенной, так и демократической, может зимой очень тяжело отозваться

²⁷ Овсянник Е. И. На изломе истории. С. 34.

на лесных богатствах уезда и привести их к расхищению»²⁸. Особенно ярко это проявилось в первые месяцы после Октябрьского переворота, когда российское крестьянство, еще не успев почувствовать тяжелую руку новой власти, стремилось осуществить свое утопическое представление о счастье.

Стремительный процесс создания новых организаций и органов власти происходил также в армии и на флоте, радикализация которых шла значительно более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Но Архангельская губерния и в этом вопросе представляла исключение. Этот процесс в ней происходил значительно медленнее.

В начале марта в Архангельске проходили демонстрации в поддержку нового строя, в которых активно участвовали солдаты и матросы. В избранный 6 марта исполком Совета рабочих и солдатских депутатов вошли 12 представителей армии: 6 матросов и 6 солдат. Они, так же как и рабочие, поддерживали умеренно-социалистический блок. Помимо участия в СРиСД, военнослужащие создают свои собственные организации. Армия все больше и больше перестает быть армией и превращается в митингующее стадо. Матросы избирают один орган, младший командный состав – другой, а офицеры – третий. 30 апреля представители трех организаций избрали новый руководящий орган – Центральный комитет флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлот). В исполком были избраны 15 человек, из них 4 офицера; преобладали меньшевики и эсеры, и только один большевик. Создавались и солдатские организации, но солдаты были хуже организованы, чем моряки. Хотя в Архангельске события 1917 г. носили бескровный характер, в отличие от фронта или различных районов страны, солдаты и матросы предпринимали целый ряд действий против офицеров. 30 марта 1917 г. британский консул Д. Янг с тревогой сообщал в Лондон: «Матросы арестовали 25 морских офицеров, включая генерала Форселя и капитана Перко, и сегодня же ночью отправляют их в Петроград»²⁹.

Явочным порядком армейские и флотские организации установили свою цензуру. В конце апреля по решению Архангельского солдатского комитета, поддержанного Целедфлотом, было запрещено издание газеты «Воин-гражданин» за публикацию статей, не отвечающих «стремлениям и идеям революционной демократии».

По мере дальнейшего обострения революционного кризиса в стране в Архангельске усиливаются крайне левые, в первую очередь большевики. Их основной опорой были матросы, солдаты и пришлые рабочие. Поэтому первоначально большевики победили в Мурманске, где все население было пришлым. Уже 26 октября 1917 г. собрание президиумов всех организаций Мурманска поддержало переход власти к советам. Начальник мурманского укрепрайона контр-адмирал К. Ф. Кетлинский одобрил это решение. На выборах в Учредительное собрание большевики получили в Мурманске свыше 70 % голосов. В Архангельске поддержка большевиков не была столь безоговорочной. Архангельский совет занял по отношению к большевистскому перевороту половинчатую позицию, а его исполком выступил против захвата власти большевиками. Но большевиков решительно поддержал Целедфлот. 18 ноября он взял в свои руки управление учреждениями Беломорско-Мурманского района и флотилией Северного Ледовитого океана. Целедфлот заявил о своем полном подчинении Совнаркому.

Если в целом в Архангельской губернии убедительную победу на выборах в Учредительное собрание одержали эсеры, то Архангельск голосами солдат, матросов и пришлых рабочих дал победу большевикам.

Среди историков и современников не существует четкого ответа на, казалось бы, простой вопрос: когда большевики захватили власть в Архангельске. Современный российский историк Л. Г. Новикова утверждает, что только в феврале 1918 г., благодаря приезду представи-

²⁸ Там же.

²⁹ Цит. по: *Ротштейн Э.* Указ. соч. С. 34.

теля ЦК и действуя часто силовыми методами, большевики «добились перевыборов исполкома городского совета, в котором большевикам удалось получить небольшой перевес. Избранный на губернском съезде советов в феврале 1918 г. новый гублисполком также имел большевистско-левоэсеровское большинство»³⁰. Е. И. Овсянкин считает, что 18 января 1918 г., когда большинство в исполкоме получили большевики и им сочувствующие, был завершен переход власти к большевикам. При этом он подчеркивает: «Большевики победили в упорной, в общем-то, честной борьбе»³¹. Если обстановка массированного давления из Петрограда, угрозы местных большевиков взять власть силой, фактически захват города еще 18 ноября 1918 г. Целедфлотом, сопровождавшийся арестом офицеров и закрытием ряда органов печати, является честной борьбой, то что же тогда нечестная? Но историки пишут о формальных моментах, о том, сколько голосов на выборах в советы получила та или иная партия. Люди, жившие тогда в Архангельске, видевшие, в чьих руках находится реальная власть, называют более раннюю дату: «Переворот в Архангельске в декабре 1917 можно описать как бескровную передачу власти. К январю 1918 большевики имели полный контроль над городом»³².

Более реальной была власть Целедфлота. В конце декабря 1917 г. Целедфлот добился роспуска антибольшевистски настроенного органа власти Ревкома во главе с меньшевиком А. А. Житковым. То, что эсеровско-меньшевистское большинство совета ничего не могло противопоставить большевистским решениям, наглядно продемонстрировала успешно осуществленная большевиками разгрузка Архангельского порта. В глубь страны было вывезено подавляющее большинство грузов, поставленных союзниками, в том числе жизненно важное для Архангельска продовольствие. Из Петрограда была прислана Чрезвычайная комиссия (как все-таки большевики любили эти слова) во главе с большевиком С. Н. Сулимовым. Для того чтобы заставить рабочих интенсивно работать, оплата труда при погрузочных работах была установлена комиссией выше самых высоких расценок в Архангельском порту во время Первой мировой войны. Огромные деньги, заплаченные рабочим, сыграли большую роль в популярности большевиков в рабочей среде Архангельска во время Гражданской войны.

После того как за границей были получены сообщения об Октябрьском перевороте в Петрограде в ноябре 1917 г., «впредь до выяснения политических условий» были задержаны все суда, направлявшиеся из стран Антанты в русские порты. В навигацию 1918 г. Архангельский порт стоял без работы. Уже в январе 1918 г. профсоюз рабочих и служащих лесопромышленных предприятий Архангельской губернии разослал на все предприятия инструкции по установлению рабочего контроля. Он должен был охватить все стороны производственного и хозяйственного процессов. Естественно, предприниматели были настроены решительно против рабочего контроля. Особенно активно сопротивлялись предприниматели – иностранные подданные, но их протесты ни на что не могли повлиять. К весне 1918 г. рабочий контроль был установлен на всех предприятиях Архангельска. Хотя в городе значительно возросла безработица, рабочие соглашались далеко не на все работы. Избалованные сверхдоходами в порту, чувствуя себя хозяевами жизни, в распоряжении которых оказались все заводы и фабрики, рабочие отказывались от многих работ, казавшихся им унижительными.

Если во многих других районах страны, особенно на Урале и Прикамье, ухудшившееся экономическое положение привело к освобождению широких народных масс от увлечения большевистской идеологией, то на Севере, где не было квалифицированного пролетариата, приезжие рабочие, не связанные с местной жизнью, с победой большевиков почувствовали себя хозяевами положения.

³⁰ Новикова Л. Г. Указ. соч. С. 61.

³¹ Овсянкин Е. И. На изломе истории. С. 67.

³² Фрезер Е. Указ. соч. С. 327.

К июлю 1918 г. численность РСДРП в городе достигла 600 человек. Но коммунисты испытывали острую нехватку опытных работников. Несмотря на то что власть в стране и губернии находилась в их руках, они долгое время не могли организовать свой печатный орган. «Архангельская правда» начала выходить только в июле 1918 г. Крайне слабыми были позиции партии в уездах. Центр не оставил без ответа настойчивые пожелания местных товарищей. В феврале 1918 г. в Архангельск была направлена В. И. Суздальцева, ставшая секретарем горкома партии. Были посланы еще несколько работников. Суздальцева жаловалась в центр, что в губернии «чрезвычайно мало активных работников» и что «уровень сознательных членов партии не высок».

Несмотря на рост числа членов партии, стала сокращаться социальная база, на которую могли опираться большевики. Весной 1918 г. происходила стихийная демобилизация расположенных в губернии воинских частей и флотских команд, бывших основной опорой большевиков. В Мурманске, в связи с демобилизацией и отъездом большинства строительных рабочих, в мае 1918 г. осталось всего трое коммунистов. Тогда, когда приезд ответственных работников из центра не помогал захвату власти, большевики пускали в ход другие методы. Оружие критики заменилось критикой оружием. Большевики стали решительно искоренять только что созданное на Севере земство, о котором в этих местах многие мечтали. Губернский съезд советов в феврале 1918 г. назвал земство вотчиной «деревенских кулаков и богатеев». 13 марта 1918 г. президиум Архангельского земского собрания получил распоряжение губисполкома о его ликвидации.

В ряде мест конфликты сопровождались вооруженными столкновениями. В Холмогорах открывшийся 21 марта 1918 г. 1-й уездный съезд крестьянских депутатов признал деятельность местного земства «не отвечающей интересам трудового народа и явно контрреволюционной». Съезд принял решение о роспуске земства³³, но земство население поддерживало активно. Против решения о его роспуске выступил продовольственный комитет, поддержанный вооруженными демобилизованными солдатами. Жители боялись, что будут отобраны продовольственные запасы в городе. После столкновения, в котором был убит один из депутатов съезда, они были вынуждены бежать в деревню. Только после прибытия вооруженного отряда из Архангельска, установившего в городе осадное положение, съезд смог закончить работу.

Популярность большевиков стала падать и в Архангельске. Они боялись проиграть выборы в Архангельский совет.

Учитывая большое внимание, которое проявляли к Архангельску два воюющих блока государств, туда для наведения порядка в середине июня 1918 г. прибыла т. н. советская ревизия во главе с М. С. Кедровым. В состав ревизии входили около 40 человек и отряд латышских стрелков (33 штыка). Но и этих сил оказалось достаточно для наведения большевистского порядка на Севере. 15 июня 1918 г. Кедров подписал приказ об упразднении Архангельской думы и городской управы. Многих гласных думы арестовали и отправили в Москву. Была образована губернская ЧК, которая вскоре после создания арестовала Архангельский меньшевистский комитет в полном составе. Тогда же были закрыты всё еще существовавшие меньшевистские газеты, проведена национализация торгового флота и банков. Для обеспечения большинства за большевиками и левыми эсерами в городском и губернском советах комиссия фальсифицировала результаты выборов. Например, в рабочем районе Соломбала признали недействительными полторы тысячи избирательных бюллетеней. Но порядок, установившийся в Архангельской губернии, был затишьем перед бурей.

³³ Овсянкин Е. И. На изломе истории. С. 78.

Глава II. Верховное управление Северной области

1. Создание антибольшевистских организаций

Неожиданный как для противников большевиков, так и для их сторонников успех Октябрьского переворота в России, провал всех попыток левых сил организовать какое-то сопротивление большевикам, в том числе защиту Учредительного собрания, толкали наиболее активных членов левых и центристских партий к поискам новых форм борьбы с большевиками. Одной из главных причин всех предшествующих неудач были непреодолимые разногласия, как между различными партиями, так и внутри самих партий, делившихся на множество групп, которые никак не могли договориться между собой. В неизданных набросках воспоминаний Н. В. Чайковского рассказывается о провале предпринятой им попытки объединить представителей левых социалистических партий в Учредительном собрании для совместной борьбы с большевиками в феврале – марте 1918 г. в Москве: «Тогда же мною в Москве была предпринята еще одна попытка, <неразборчиво> среди членов межфракционного совета Учредительного собрания. В чьей-то квартире на Девичьем поле созывался <...> ряд совещаний его членов от центральных партий и национальных (еврейской и мусульманской групп), но из них ровно ничего не вышло, пока люди не устали говорить и спорить, и <...> перестали посещать их»³⁴. Для успешной борьбы с большевиками членам левых партий не хватало четкого и ясного признания простой истины, что большевики – не их товарищи по революционному движению, а самые жестокие тираны, когда-либо бывшие в русской истории, и борьба с ними, а не с наполовину выдуманной правой угрозой (классический пример т. н. заговор Корнилова), является основной задачей. В этом вопросе у основателя народнического движения Чайковского иллюзий никогда не было. С глубокой болью за родную страну он писал: «Война и революция в атмосфере войны, очевидно, взбудоражили наши восприимчивые русские нервы на много лет, и все искусство коммунистов сводится к тому, чтобы поддержать инерцию этого настроения, атмосферы Гражданской войны. Недаром давно уже было сказано, что большевизм возник в атмосфере войны и войной же он и держится, хотя бы это была гражданская война...» Чайковский вынужден сделать крайне тяжелое для него признание: «Но как могло случиться, что русский народ, в критический момент своей жизни на один короткий период поддался очарованию коммунистической проповеди, как он поверил в социальное чудо, будто политический мир, пролетарские безграничные свободы и равенство всех тружеников могут быть достигнуты насильственно через господство его собственного пролетарского класса»³⁵.

После переезда Совнаркома в Москву (11 марта 1918 г.) центр политической жизни также переместился в бывшую столицу. Противникам большевиков, действующим в революционной атмосфере, где политические лозунги и предпочтения меняются с необыкновенной быстротой, а вчерашние кумиры с космической скоростью становятся объектами для поношения, нужно было найти новые пути для борьбы с небольшой группой заговорщиков, ставших сегодня всесильными диктаторами России. После ряда встреч и консультаций между членами левых и центристских партий, готовых отбросить узкопартийные рамки и отказаться от некоторых устаревших постулатов, было решено образовать союз не между отдельными партиями, а между рядом активистов и руководителей этих партий. Инициаторами объединения на персональной основе выступили руководители Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП): Н. В. Чайковский, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, А. В. Пешехонов. В новую органи-

³⁴ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

³⁵ Там же. Л. 5–6.

зацию Союз возрождения России (СВР) вошли руководители левого крыла ПНС: Н. И. Астров, И. М. Кишкин, Д. И. Шаховской, Н. И. Щепкин; правые эсеры: Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, И. И. Бунаков-Фондаминский, Б. Н. Моисеенко; меньшевики-оборонцы: В. О. Левицкий-Цедербаум, А. Н. Потресов, А. А. Трояновский, В. Н. Розанов и несколько беспартийных, в их числе генерал-лейтенант В. Л. Болдырев. ТНСП делегировала своих руководителей в СВР, остальные вошли в СВР без санкций своих партий. Главными задачами СВР являлись: свержение власти большевиков, ликвидация Брест-Литовского мирного договора и возобновление совместно с союзниками войны с германским блоком, созыв нового Учредительного собрания, формирование демократической власти, восстановление России в границах 1914 г. (без Польши и Финляндии). Основатели СВР понимали, что для свержения большевиков и борьбы с немцами необходимо создать новую армию, но без помощи союзников это сделать практически невозможно. В отличие от многих людей левых взглядов, они считали, что старое Учредительное собрание, разогнанное большевиками без единого выстрела, выборы в которое происходили в условиях большевистской диктатуры с определенным отходом от демократических принципов, часто не учитывая сложившихся в то время политических реалий, при стремительном изменении настроений в стране устарело. Аргунов писал о необходимости созыва нового Учредительного собрания.

Руководители организации при всей своей приверженности принципам демократической власти прекрасно помнили, чем закончилось правление «самой демократической власти из всех воюющих стран», по определению лучшего знатока демократии и способов борьбы с ней В. И. Ленина. Поэтому они считали, что «власть должна быть сильной, в смысле твердости, определенности своей программы и быстроты и независимости в действиях. Союз решительно отверг, однако, идею единоличной (военной или гражданской) диктатуры и остановился на Директории из пяти, в крайнем случае трех членов, принадлежащих, по возможности, к разным партиям, объединенным близостью программы»³⁶.

Союз создал в Москве военную организацию под руководством Болдырева, ее основная работа заключалась в объединении офицерских кадров вокруг Союза. Офицеры объединялись в группы, существующие на средства Союза и действующие под его руководством. Работу приходилось вести в трудных условиях, хотя ВЧК не стала еще той страшной, всеобъемлющей организацией, контролирующей всю территорию страны, но она стремительно набирала опыт и решительно расправлялась с противниками большевистской диктатуры. Война, вызвавшая колоссальные изменения в офицерском корпусе, гибель большинства кадровых офицеров, революция, превратившая офицеров в парий, подвергающихся каждодневным унижениям, стремительное падение жизненного уровня, привели к тому, что многие офицеры совершенно растерялись в новой обстановке. Г. Е. Чаплин писал о петербургских офицерах зимой – весной 1918 г.: «Не имею права винить кого бы то ни было, но полная апатия, забитость, во многих случаях просто трусость, невольно бросались в глаза. Множество молодых офицеров, торгуя газетами и служа в новых кафе и ресторанах, не верило в долговечность большевиков и еще меньше верило в успех восстания и возлагало все свои надежды на занятие Петербурга... немцами»³⁷. Но даже те офицеры, которые были готовы к борьбе с большевиками, не могли разобраться в огромном количестве организаций всевозможных направлений, звавших их в свои ряды. В Москве и других городах действовали организации СВР, «Союза защиты Родины и Свободы» Б. В. Савинкова, ПСР, многочисленные правые группы, поддерживающие Добровольческую армию и союзников, офицерские группы, ориентированные на Германию. В. М. Зензинов писал о положении в Москве: «мы хотели <...> выяснить, на кого мы могли еще рассчитывать в деле вооруженной борьбы с большевиками. Исследуя этот

³⁶ Там же. С. 5.

³⁷ Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере. (1918) // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 14.

вопрос, мы наткнулись на целый ряд заговорщических организаций. Весной 1918 года Москва представляла в этом отношении из себя большой интерес – и правы были большевики, везде и всюду вокруг себя видевшие тогда заговоры. Можно сказать, что действительно Москва тогда кишела ими. Мы натолкнулись на следы военной организации Савинкова, генерала Брусилова, Национального центра <...> наконец, на монархические организации, в некоторых из которых участвовали немцы. Необходимо было разобраться со всем этим, необходимо было выяснить, с кем из них нам было по дороге, некоторые из них – правые монархические и немецкие организации были нам прямо враждебны, и мы могли относиться к ним не с меньшей решительностью, чем к большевикам»³⁸.

Отделы СВР были созданы в Петрограде, Вологде, Архангельске и Омске. Крупнейшим отделом был Петроградский с сильной военной организацией. Группа офицеров левых политических взглядов через члена ТНСП Л. А. Каннегисера попросила одного из руководителей партии В. И. Игнатъева «организовать для них военный и политический штаб». Был создан военный штаб, в который вошли генералы А. И. Верховский и М. Н. Суворов. В скором времени новая организация вступила в СВР. Были назначены военные коменданты районов города. Штаб договорился с военной организацией ПСР о фактическом объединении. Был создан совместный штаб, в который от ПСР вошли один из руководителей партии А. Р. Гоц и полковник Постников. Помимо двух офицерских организаций штабу подчинялись: броневой дивизион, морская минная дивизия, отдельные группы военнослужащих частей Петроградского гарнизона, рабочие группы, особенно сильные на Обуховском сталелитейном заводе, рабочие которого славились давними революционными традициями и, как значительная часть кадрового пролетариата, успели к весне 1918 г. отойти от былых большевистских увлечений. СВР устраивал своих сторонников в различные воинские части. Планировалось поднять восстание в Петрограде. Планы СВР строились на основе договоренности с союзниками о высадке в Архангельске. Руководители штаба справедливо опасались, что их сил для захвата и удержания власти в Петрограде и других городах России явно недостаточно.

³⁸ Зензинов В. М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918. Москва – Самара – Уфа – Омск // BAR. Zenzinov manuscript collection. В. 10. Р. 1023–1025.

2. Запутанный клубок противоречий. Международный аспект революции и его отражение на Русском Севере

Оставим на время СВР и рассмотрим, как складывались отношения союзников с различными участниками Гражданской войны в России и какую роль играл Архангельск в планах противоборствующих сторон.

Несмотря на огромное число различных союзнических делегаций и миссий, приезжавших в Россию во время войны, союзные с Россией державы плохо понимали, что происходит у ближайшего союзника. Наиболее ярко это проявилось в отчетах лидеров делегаций Англии и Франции, вернувшихся домой из Петрограда, участвовавших в начале февраля 1917 г. в работе межсоюзнической конференции. Петроград сотрясали забастовки, превратившиеся через несколько дней в революцию, а глава делегации Великобритании военный министр А. Милнер и глава делегации Франции министр колоний Г. Думерг считали, что все слухи о потрясениях, которые якобы ждут Россию, являются несколько преувеличенными. Милнер сообщал военному кабинету: «...В разговорах о революции было много преувеличений и особенно относительно предполагаемой нелояльности армии»³⁹. Думерг был еще более оптимистичным. В интервью корреспонденту газеты «Матэн» он заявил: «Я привез превосходные впечатления о поездке. Из всех разговоров, которые я имел, и из всего, что я видел, ясно, что Россия единодушно настроена продолжать войну до полной победы»⁴⁰. В непонимании обстановки военные не отставали от штатских. Генерал Э. де Кастельно, один из командующих французской армией в годы Первой мировой войны, глава военной миссии на конференции, побывавший на Восточном фронте, отмечал недостаток вооружения русской армии, плохую работу транспорта, но подчеркивал: «Дух войск показался мне превосходным, люди сильные, хорошо тренированы, полны мужества, с прекрасными светлыми и кроткими глазами...»⁴¹. Голоса немногих умных иностранных наблюдателей, давно находившихся в России и понимавших эту страну лучше многих русских, мало кого убеждали. Посол Франции в России М. Палеолог, прощаясь с руководителями французской делегации, просил их передать предостережение президенту и премьер-министру: «В России готовится революционный кризис, он чуть было не разразился пять недель тому назад, он только отложен. С каждым днем русский народ все больше утрачивает интерес к войне, и анархический дух распространяется во всех классах, даже в армии. <...> Мой вывод, что время больше не работает на нас, по крайней мере в России, что мы должны уже теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы»⁴².

Революция в России, которую ни правительство, ни общественное мнение в странах – союзниках России не ожидали, вызвала на первых порах радостный отклик. Союзники, все время подчеркивавшие в своей пропаганде, что демократии ведут войну против реакционных монархий, не могли ничего возразить, когда им указывали на их союзника – самую реакционную монархию Европы. Победа русской революции перечеркнула этот аргумент. Больше всего революцию в России приветствовали в США. Американцы не вступали в войну на стороне Антанты во многом из-за нежелания быть в союзе с царской Россией. Победа революции уничтожила последний аргумент против вступления в войну. 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии и ее союзникам. Такие же радостные тенденции преобладали и в Европе. Долгое время в Англии и во Франции считали, что Февральская революция произошла вследствие

³⁹ Цит. по: *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 29.

⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 29–30.

⁴¹ Цит. по: *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 713.

⁴² Там же. С. 714.

патриотических чувств русского народа, а царизм был свергнут, чтобы не мешать армии одержать победу. Лондонская «Таймс», близкая к правительству, приветствовала революцию «как победу в военном движении» и объясняла, что «армия и народ объединились, чтобы свергнуть силы реакции, которые душили народные стремления и связывали национальные силы»⁴³.

Эти настроения были еще сильнее во Франции, где считали, что в России 1917-го произойдет то же, что во Франции 1792-го – мощный взрыв патриотизма, который приведет союзников к победе. Газета «Петит републик» писала о «триумфе либерализма» как о начале решающего этапа в борьбе против «германского варварства»⁴⁴. Не обошлось без столь любимых в Европе пошлых сентенций о загадочной славянской душе. «Ревю блю» утверждал, что революция произошла как «взрыв возмущения славянской души против ее внешних врагов и тех, кто пытается ее задушить внутри страны»⁴⁵. Страстной верой в победу союзников, в успех новой революционной армии пронизано обращение лидеров Французской социалистической партии Ж. Геда, А. Тома, М. Самба к А. Ф. Керенскому – единственному министру-социалисту в правительстве. Однако установление двоевластия в стране, приказ № 1, фактически уничтоживший русскую армию как боевую силу, все углубляющийся экономический, социальный и политический кризис стали внушать союзникам все большую тревогу. Положение на Западном фронте было очень тяжелым. Участия в войне армии США до 1918 г. ждать не приходилось. Поэтому стремительное ослабление России могло привести к поражению Антанты в войне. Для укрепления патриотического духа союзников и желания воевать в Петроград и Москву направлялись одна за другой делегации социалистов из стран Антанты. Но найти общий патриотический язык ни с рабочими, ни с эсеро-меньшевистским руководством Советов, не говоря уже о большевиках, им не удалось. Из Франции прибыла делегация, в которую входили М. Кашен, Мутэ и Э. Лафон. Но французских и английских социалистов ждал в России ледяной прием со стороны их русских товарищей. Еще до того, как делегация успела приехать в Россию, к ней относились как к агентуре англо-французского империализма. Кашен жаловался Палеологу на враждебный прием в Петроградском совете: «Вместо того чтобы принять нас как друзей, нас подвергли настоящему допросу и в таком тоне, что я ждал момента, когда мы будем вынуждены уйти»⁴⁶. Французов обвиняли в колониальной политике в Африке и Индокитае, а англичан – в угнетении Индии, Ирландии и других стран. Попытка гостей говорить о подъеме патриотического духа или робкая критика идеи фикс «мир без аннексий и контрибуций» встречали гневную отповедь. Западные социалисты были ошарашены таким приемом, и один из них поделился с коллегами мнением об увиденном: «Господи! Если это демократия, то такая демократия в нашей стране нам не нужна!»⁴⁷

Провал всех усилий союзников заставить воевать русскую армию наводил их на мрачные размышления. Но их ждали более тяжелые времена. Октябрьский переворот означал решительный отказ России от прежнего курса внешней политики. Сразу же после прихода к власти большевики опубликовали «Обращение к народам и правительствам воюющих государств», т. н. «Декрет о мире»: «Рабочее и крестьянское правительство <...> предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире. Справедливым или демократическим миром правительство считает немедленный мир без аннексий <...> и без контрибуций»⁴⁸.

⁴³ Цит. по: Уорт Р. Указ. соч. С. 37.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Цит. по: Палеолог М. Указ. соч. С. 761.

⁴⁷ Цит. по: Уорт Р. Указ. соч. С. 65.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 11.

Призыв к немедленному заключению мира со стороны страны с развалившейся армией, часть территории которой была оккупирована войсками противника, был радостно встречен в Германии и с негодованием в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Известия об Октябрьском перевороте союзники встретили ледяным молчанием. Как и русские противники большевиков, они считали, что речь идет о коротком инциденте, который вскоре будет ликвидирован. Газеты поливали большевиков потоками грязи, и даже самые уважаемые из них не стеснялись опускаться до уровня бульварного антисемитизма. «Таймс» утверждала: Ленин и «несколько его сообщников являются авантюристами германо-еврейской крови и оплачиваются германцами, чья единственная цель заключается в использовании невежественных масс в интересах своих хозяев в Берлине»⁴⁹. В течение многих недель правительства союзников и их представители в России полностью игнорировали новую власть.

Большевики, проявившие при взятии власти колоссальную волю и энергию, часто не очень представляли, что им теперь делать в различных областях управления государством. Ленин не мог понять, для чего нужен Комиссариат иностранных дел, кроме как разрушить всю систему международных отношений и закончить войну. Троцкий после назначения на пост наркома иностранных дел считал, что это ненадолго: «Какая такая у нас будет дипломатическая работа, вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку»⁵⁰.

Большевики продолжали свое мирное наступление. Заключение мира для большевистской власти, как, впрочем, для любой другой, которая бы управляла Россией, являлось насущной необходимостью. Страна в ноябре 1917 г. не могла больше воевать. Ленин это четко и ясно понял и сделал выводы. Другие русские политики это поняли слишком поздно или находились в плену таких «буржуазных» заблуждений, как понятие о чести, достоинстве, верности и т. д. Хотя Троцкий предполагал скоро «закрыть лавочку», советское дипломатическое наступление на всех фронтах продолжалось. В отличие от развалившейся армии, дипломатия Страны Советов вела себя очень активно. 9/22 ноября Троцкий объявил о намерении советского правительства опубликовать секретные дипломатические документы. Поскольку с противниками Антанты у России никаких соглашений не было, то удар был нанесен по союзникам России – Англии, Франции и Италии и оказал большую услугу германской пропаганде, которая теперь с фактами в руках могла обвинять Антанту в ведении захватнической войны.

20 декабря 1917 г. в Брест-Литовске, где находилась ставка немецкого командования Восточного фронта, начались переговоры между советской делегацией и представителями центральных держав. Немецкая делегация на первом этапе переговоров состояла только из военных во главе с генерал-майором М. Гофманом. Главной целью этого этапа переговоров для немцев являлось немедленное заключение перемирия и отправка максимально большого количества солдат с Восточного фронта на Западный. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин писал о преобладающем в Германии мнении о переговорах с Россией: «Чем меньше Ленин пробудет у власти, тем скорее нужно приступить к переговорам, потому что какое бы правительство не заступило его, оно все равно уже не возобновит войну <...>. Немецкие генералы, возглавляющие <...> всю германскую политику, сделали <...> все возможное для того, чтобы свергнуть Керенского и заменить его “чем-нибудь другим”. Это другое теперь заступило на его место и желает заключить мир, то есть необходимо взять быка за рога, сколько бы сомнений не внушали бы нам партнеры»⁵¹.

⁴⁹ Цит. по: Уорт Р. Указ. соч. С. 185.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Чернин О. В дни мировых войн. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 239.

Еще до начала переговоров в Бресте немцы начали массовую переброску войсковых частей на Запад. Генерал Э. Людендорф писал: «Соотношение сил складывалось для нас так благоприятно, как никогда»⁵².

Впрочем, немецких и австрийских политиков и военных часто охватывали сомнения в правильности избранного ими пути. Чернин вспоминал: «Они (большевики. – *Л. П.*) начинают с того, что разрушают все, что напоминает труд, благосостояние и карьеру, и уничтожают буржуазию. О “свободе и равенстве” в их программе, очевидно, больше нет речи. Они зверски угнетают все, что не подходит под понятие пролетариата. Русские буржуазные классы почти так же трусливы и глупы, как немцы, и дают себя резать, как бараны.

⁵² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2014. С. 480.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.